

Поэт. Родилась в Евпатории. Живет в Москве. /Член союза писателей Москвы. Окончила МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, специализация – древнерусская литература. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках, антологиях, альманахах, журналах «Плавучий мост», «Интерпоэзия», «Урал», «Кольцо А», «Аврора», «Крещатик», «Книголюб», «Литературной газете», «Учительской газете», «НГ Экслибрис». Автор двух поэтических сборников: «Мне не идет весна» (2012г., изд-во «Тривант», Троицк) и «Ближний круг» (2015г., изд-во «Перо», г.Москва). Организатор цикла поэтических вечеров «У Красного рояля» в Третьяковской галерее (2009-2012). Дипломант Международного Волошинского конкурса 2015г. Призер поэтического конкурса "ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ" имени Н.С. Гумилёва 2016.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

В полудреме утренней, в тумане,
принакрывшем беспокойство вод,
"Лев Толстой" идет к своей поляне,
человек, писатель, теплоход.

Перегружен судьбами людскими,
суммой незначительных забот.

Что их на плаву удержит? Имя,
зацепившись буквами за борт.

Что им в этом имени сегодня?

Миром ли закончилась война?

Хорошо, что Волга полноводна -
не достать до илистого дна.

Только тем до сей поры и живы,
вопреки течению и судьбе,
что старик трехпалубный двужильный
наши души тянет на себе.

Тянет эту ношу человечью,
словно записавшись в бурлаки,
и "Антону Чехову" навстречу
подает гудок взамен руки.

ВРЕМЯ ПОДОРОЖНИКА

А когда мои один за другим
окровавлены сыновья,
я уже не мать называюсь им,
а сестра милосердия,
не стихи — молитвы ко всем святым
распеваю им по слогам,
не наряды новые, а бинты
примеряю к рукам-ногам.

А когда пестрят по лугам цветы
- незабудка, мак, ноготок -
подорожник кожистые листья
разворачивает у ног.
Колокольчик синий начнет звонить -
у дороги в доме швея
достает иголку, вдевает нить,
аккуратно сшивает края.

И пока еще не осела пыль
на зеленый глянцевоый лист,
и пока дорожки от слез скупых
по морщинам не растеклись,
только-только времени у меня,
чтобы подорожник сорвать,
чтобы кровь унять, сыновей обнять,
как сестра умеет и мать.

ПАПИНА ЯБЛОНЯ

Нестройность птичьего сопрано, воскресный благовест вдали, под сладкой тяжестью шафранной согнулись ветки до земли, в коклюшках веток - паутина, и день плетется кое-как, стоит плетеная корзина, наполовину в яблоках... В траве, в садовой бочке, всюду избыток райский, собирай и веруй в яблочное чудо, в необычайный урожай.

Вот эту яблоню за домом я помню дольше, чем себя. Отец рассказывал знакомым, что к середине сентября (не этого, но через годик, уж точно) будет нам пирог, все дело в правильном уходе. И он ухаживал, как мог: поил, кормил, зимой холодной ствол мешковиной пеленал... Увы, она была бесплодной, как Авраамова жена.

Сад пережил пожар, щитовок, набеги выросших детей и переделку в духе новых ландшафтно-парковых идей. Творцы в порыве вдохновенья хотели яблоню срубить, но для густой прохладной тени оставили. И птицы вить в ее ветвях привыкли гнезда, а папа в солнечные дни любил сидеть в шезлонге пестром в ее спасительной тени.

Тот год, когда мы проводили отца, был яблочно богат. Под слоем золотистой пыли тонул в осеннем солнце сад, со стороны усадьбы старой трезвонили колокола, и яблоня библейской Саррой воспрянула и понесла — согнулись ветки под плодами, не в силах с ношей совладать, а в доме пахло пирогами, а в сердце стала благодать.

Так медальончик сердца моего
качается на панцирной цепочке
над этой канителью снеговой,
пока не достигая крайней точки.

А я его нет-нет да подтолкну
нетерпеливым жестом или словом.
Под крышкой локон отливает в хну
и кажется к бессмертию готовым.

Допустим, это будет не сейчас,
кому нужна в таких вопросах точность?
Нежнее медальон в руках качай,
еще цепочку проверь на прочность.

ВЕНОК ДЛЯ КУПАЛЫ

Подруги мои все цветы оборвали вокруг,
венки заплетают и спорят — которая краше.
Теперь не найти мне ни маков, ни белых ромашек,
они уже вянут в венках торопливых подруг.

Придётся мне вброд перейти нашу речку одной,
я видела, там, на поляне цветёт разнотравье.
Сниму босоножки — их лучше бы здесь и оставить:
у речки такое опасное, вязкое дно.

Нарву желтоглазых обманщиц-ромашек копну
- наврут, будто любит, а как не поверить? поверю... -
и с этой охапкой на свой обесцвеченный берег
пойду, аккуратно ступая по топкому дну.

Венок я сплету — всем подругам на зависть венок,
пущу по реке, пусть потонет он быстро — не жалко.
Сегодня Купала себе выбирает русалку
из тех, кто остался до первой росы одинок.

КАТИСЬ, КЛУБОЧЕК

Катись, катись, клубочек, беги из рук моих, из этой долгой ночи,
из ночи на троих... тянись, витая нитка — ненужный разговор, не
выплести, не выткать из этих слов узор... никто ни с кем не связан
ни кровью, ни вином, не вспомнится ни разу нам эта ночь потом,
ни слова, ни полслова, ни песенный мотив... из дома, мне чужого,
катись, клубок, катись...

По крышам и заборам, по улицам скользя, не глядя светофорам
в бессонные глаза, по тесным переулкам, по набережной вниз, по
подворотням гулким, клубочек мой, катись, от площади Калужс-
кой до третьего кольца, по неглубоким лужам под коркой леденца,
от морока до света хромого фонаря, ныряй в конец куплета, в коло-
дец ноября...

По лестнице гранитной катись, клубочек мой... разматывайся,
нитка, веди меня домой...

УГЛИЧ

*«...Я поднял голову и увидел
на горизонте целый лес колоколен...»*

Александр Дюма

Выходи, выходи, разве можно проспять этот день,
разве можно проспять городок этот краеугольный,
где за каждым забором кипит белоснежно сирень,
и кончается каждый проулок своей колокольной.

Только с виду кругом старина, тишина и покой,
монастырские окна глядят на дорогу смиренно,
но боярышник в каждом дворе созревает такой,
будто бусы порвал и рассыпал юнец убиенный.

Эти площади помнят заезжего хвата-купца
итальянского племени или армянского рода,
а сегодня старушки сидят у резного крыльца,
предлагая отведать домашней сметаны и меда.

А когда созревает малиновый летний закат
и в воде отражается, чайки кричат суматошно:
это Углич горит, это с берега угли летят;
словно помнят о прошлом, а может, жалеют о прошлом.